

The background is a painting of a landscape. In the foreground, a large, gnarled tree with a thick trunk and dense green foliage stands on a grassy slope. To its left, there are several smaller trees with bright yellow-orange foliage. A winding, light-colored path or road curves through the middle ground, leading towards a body of water in the distance. The sky is filled with soft, grey clouds, and the overall color palette is dominated by greens, yellows, and blues.

ХУДОЖНИКИ РОССИИ В НАРЫМСКОМ КРАЕ

Анатолий
Шумилкин

Разные ветви рода Шумилиных-Гавриловых в каждом поколении дали представителей в самых различных областях человеческой деятельности: в юриспруденции, банковской сфере, медицине, образовании, музыке, изобразительном искусстве. Местожительство членов рода Шумилиных-Гавриловых не ограничивается, конечно, Знаменкой. Чита, Иркутск, Красноярск, Томская область, Кемерово, Казань, Ульяновск (Симбирск), Москва, Санкт-Петербург (Ленинград), Америка — таков полный перечень географических точек проживания многочисленной родни. Судьба этого рода достойна пера романиста. Мы лишь позволим себе рассказать о жизни и небольшом периоде творчества Андрея Шумилина, связанного с селуковским поселением Мумышево Парабельского района.

Босоногое детство Анатолия Шумилина выпало на предвоенные годы, полные бед и страданий. В 1937 году он пошел в первый класс. В детской памяти на всю жизнь сохранились страшные эпизоды, связанные с работой государственной репрессивной машины в глухой сибирской глубинке. Невеселая повседневность скрашивалась детской непосредственностью в восприятии окружающего мира. Летом Анатолий играл с деревенскими ребятами, купался с ними в реке, рыбачил, собирал грибы, ягоды, кедровые шишки. В зимние дни — романтическая забава дома, вокруг гигантских размеров кадушки для воды, которая стояла у входа в угол. В нее ежедневно натаскивался снег, и талая вода расходовалась на хозяйские нужды. До самой весны два брата с красными по локоть руками возились в этом водосмее. Возвышающийся над водой айсберг из снега в детском воображении представлялся настоящей Арктикой. В этом море воды плавали самодельные ледоколы, парусники всех времен и народов, винтовые (на резинках) баркасы и шлюпки. Случалось, происходили кораблекрушения, и груженные дредноуты тонули в бездонной пучине. С приходом весны “ледовитый океан” с погибшими судами выплескивался на улицу, и кадушка убиралась под навес до следующей зимы. Но самым главным занятием для маленького Анатолия было рисование. Из книг срисовывал простым карандашом портреты писателей, поэтов, ученых. Ему мечталось хоть бы одним глазком взглянуть на масляные краски или увидеть настоящего художника. Дети Шумилиных были на редкость талаптливы. В беседах Анатолий Андреевич так вспоминал свое, как он выражался “погружение в рисование”. Красок не было. Старшие сестры приносили из школы отрывки цветных карандашей. Ради Нового года или Пасхи они рисовали букеты цветов, каких-то “измоновских барышень” и оклеивали ими стены дома. Анатолий с тоской смотрел на разноцветные стружки и крошки красящего пигмента — остатки от карандашей. Но все-таки на окраине разрисованной сестрами экспозиции он всегда участвовал каким-нибудь своим сереньким пейзажем нарисованным простым карандашом.

Не обошли семью Шумилиных тяготы военного лихолетья. Отец добровольцем ушел на фронт в начале войны. Весточки с фронта были короткими. Потом наступило немнящее душу молчание. После пришла похоронка. Андрей Евдокимович погиб 24 февраля 1943 года. Ему было сорок пять лет. На руках Василисы Никитовны осталось пятеро детей: три дочери и два сына. Анатолию, как старшему, легла на плечи вся мужская работа в доме. В сенокосную страду мастерил грабли, отбивал литовки. Добывал боровую

и водоплавающую дичь. Зимой готовил дрова и возил их на санках, подшивал валенки, выдсыывал кожу и шил себе сибирские чирки. Повзрослев, стал ходить на деревенские вечерки, слушать песни и заливчатские частушки. Играл на балалайке. Потом незаметно для себя стал первым гармонистом в округе, хотя своей гармонии не было. Щекоча за бока трехрядку, до первых петухов сыпал в ноги звонкие переборы. Задорные припевки “Сибирской подгорной” под гармошку виртуоза заставляли пускаться в пляс даже старых бабешек.

В сложных и трудных условиях деревенской жизни формировался характер Анатолия Шумилкина. Было все: горе и радость, отчаяние и надежда, борьба за выживаемость и страстная увлеченность рисованием. Натурой служила “Её величество природа”, которая кормила и согревала, лечила душевные раны и успокаивала в минуты детских печалей, незаметно открывала юной душе свои красоты.

*Принимай, о родная природа!
Я пришел отдохнуть, помечтать.
С седины своего небосвода
Для меня ты как старая мать.
В зимний холод, весной и летом,
И в осенний багрянец листвы,
Молчаливая, с теплым приветом
Понимаешь меня только ты.**

В такие минуты общения с сибирской природой мир казался ему огромным и несобъятным. Очень хотелось увидеть, что же там, за горизонтом. Шло время, и Анатолий получил повестку в призывной пункт. Прибалтика, школа связистов, береговая охрана, сержантское звание — таков послужной список солдата А. Шумилкина. На заставе физическая подготовка сменялась строевыми занятиями, караульная служба — политбеседами. Начальству части стало известно о способностях сержанта Шумилкина к рисованию. Талантливому самородку стали поручать оформительские работы в гарнизоне. Он рисовал своих сослуживцев, писал маслом по заказу портреты офицеров, делал копии картин с репродукций. В свободные минуты отдыха играл на баяне. Закончился срок службы. Уволенные в запас друзья уехали по весне домой, а он занят оформительскими работами, заказными портретами. Долго тянулись месяцы: июнь, июль, август. Сентябрь уже на исходе, а службе не видать конца. После неоднократных обращений к командиру части с доводом о том, что на реке Обь, откуда он родом, навигация завершается в первой половине октября, а позже ему не добраться домой, его отпустили. К родным местам, в д. Знаменка он прибыл последним пароходом. О школьных днях и времени, проведенном на службе в армии, Анатолий Андреевич не любил вспоминать.

На следующий год А. Шумилкин и его брат Александр едут в Свердловск поступать в художественное училище. Брат сдал все экзамены и был принят (впоследствии Александр Шумилкин станет народным художником РСФСР). Анатолий не поступил.

* здесь и далее стихи взяты из сборника: Анатолий Шумилкин. Лирика. Томск, 1995

Провал на экзаменах по школьным дисциплинам не обескуражил абитуриента. Через два года, в 1956 году он второй раз сдает экзамены в это же училище и проходит по конкурсу. Мечта детства сбылась. Он принят!

Начались напряженные занятия под пристальным вниманием духовных наставников в лице В.И.Зырянова, С.Д. Бочкарева, И.П. Колодина и легендарного директора училища П.П. Хожатсва. Анатолий Андреевич вспоминал: “На занятиях по специальным предметам преподаватели со знанием дела проводили разбор наших работ. Основы изобразительной грамоты объясняли доходчиво, умело, с азартом. В живописи от нас требовали четкого рисунка и объемной лепки формы. Часто повторяли старое выражение “живопись — это рисунок в цвете”. Для подкрепления своих слов водили нас в картинную галерею, к полотнам старых мастеров. Атмосфера в училище мне тогда казалась райской”. Особенно полюбилась Анатолию пленэрная практика в красивейших местах Урала. Жить на природе, среди друзей-единомышленников, писать этюды с раннего утра до позднего вечера с короткими перерывами на обед и ужин, приготовленный своими руками на свежем воздухе возле реки, а потом песни у костра под аккомпанемент баяна и гитары — такое не забывается. “Это была сплошная романтика с работой на износ. Жили в палатках, где-нибудь у реки. По очереди дежурили, по два человека варили пищу на весь курс. В зной обедали сидя по грудь в реке. Чашки плавали на воде перед носом, и над рекой стоял звон ложек, а ноги щекотали сотни раков. Мы их ловили, варили в гигантской кастрюле, вываливали в тазы и наслаждались деликатесом. Вечером над дымящейся рекой разливались лирические звуки баяна и гитары. В конце практики просмотр этюдов и композиций. Шло конкретное их обсуждение. Это прекрасно!” — вспоминал художник.

В училище обычно Анатолий добирался в переполненном пассажирами трамвае, следовавшем по четвертому маршруту. Особенно тяжело приходилось зимой: долгое ожидание на остановке, давка во время посадки — привычная ситуация для людей разных профессий, начинающих свой трудовой день. Много раз откроются и закроются двери, много выйдет и зайдет разных людей, прежде чем студент доедет до своей остановки

“Ленина — Толмачева”. Трамвай буквально “выплывал” его на улицу и он, прижимая пальто с оторванными пуговицами, счастливый шел к зданию филармонии, любуясь утренней картиной проснувшегося города. “А какой пейзаж!” — записывал Анатолий в своем дневнике: “Еще не совсем светло. Большими светящимися шахматными досками стояли кварталы домов, окутанные морозным туманом. Через заиндевелые деревья бульвара разноцветными светлячками мелькают огоньки движущегося транспорта. Где-то высоко режет, словно алмазом стекло, небо реактивный самолет, оставляя за собой еле заметную полосу, которая уже начинала румяниться с востока”. Будущий художник находит красоту “Ее величество природы” и в городской среде любимого Свердловска, но тему для своей дипломной работы взял из жизни сибирских охотников. Он сам был хорошим охотником и хорошо знал этот промысел. Композиция “Вечером на зимовье” получила на защите оценку отлично. Диплом открывал молодому художнику широкую дорогу в искусство. Полный творческих замыслов Анатолий Шумилкин возвращается в Томск.

Шумилкин Анатолий Андреевич

Выполнил и защитил дипломный эскиз по композиции на тему: “Вечером на зимовье”

с оценкой 5 (отлично)

Директор Свердловского областного художественного училища
 /С.П.Ярков/

Зам. директора по учебной части
 /И.Т.Колодин/

г.Свердловск
 “24” июля 1961 г.
 № 359

ДИПЛОМ

3 № 242260

Настоящий диплом выдан гр. Шумилкину Анатолию Андреевичу

в том, что он в 1961 году поступил в Свердловское художественное училище имени Мисслера в Свердловске (СРСР)

и в 1961 году окончил полный курс названного училища по специальности художник-оформитель

Удостоен звания мастера 1961 года

Удостоен государственной квалификационной комиссии от М.М.Калт. 1961 года

Председатель Государственной квалификационной комиссии И.И.Тарасов

Директор С.П.Ярков
 Секретарь И.Т.Колодин

г.Свердловск 1961 года

Регистрационный № 359 Московская типография Голмана, 1959

Самостоятельный и многообещающий творческий путь Анатолия Шумилкина, не успев начаться, внезапно оборвался. По роковой случайности, поскользнувшись на перроне вокзала, он попадает под колеса тропущегося с места поезда и теряет правую руку. Долгие месяцы, проведенные в больнице, заканчиваются в марте 1966 года вердиктом комиссии

ВТЭК. Он инвалид. Невозможно себе представить весь ужас и драматизм положения, в котором оказался Анатолий Шумилкин. От безысходности он пытается “утопить” горе в вине. Его покидает жена Тамара, забрав сына Сережу.

*Вот и все. Было и нет,
Что было недавно близким.
Мелькнули прожитых вместе шесть лет
И скрылись под дымом низким.*

Один на один остается Анатолий Шумилкин со своими мрачными мыслями: прощай любимое искусство. Судьба не дала ему реализоваться как художнику. Не зазвучат больше в его исполнении любимые мелодии под гармошку.

*Войте волкам вьюги под забором
Выбивайте ритмы провода!
Все равно припевки с перебором
Отзвучали, стихли навсегда.

К однопрядке не прильнут ладони,
Не запрячет эхо звуки в лес.
Для ладов простой лихой гармонии
Ни к чему капроновый протез.*

И все-таки самообладание и всепоглощающая любовь к искусству позволили Анатолию Шумилкину вырваться из тисков жесточайшей депрессии. Постепенно он стал возвращаться к жизни. В дни тяжелых раздумий вспоминались: любимый Свердловск, студенческая жизнь в дорогом сердцу училище, которое ютилось в малом репетиционном зале филармонии, добрейшей души учителя и внезапно вспомнился Степа Петрович Ярков (преподаватель истории искусств, впоследствии — директор училища), но не на лекциях, а на заятиях по лыжам. Подтянутый, в гимнастерке времен Великой Отечественной войны он бежал широким размеренным шагом спортсмена-разрядника, сильно отталкиваясь одной лыжной палкой. Под напором встречного воздуха, вместо левой руки трепетал пустой рукав гимнастерки, заправленный под широкий солдатский ремень. Анатолию будто бы паяву, слышался подбадривающий голос: “Ребята, не сдавайтесь! Подтянись, не отставай” — и дымящаяся от пара спина преподавателя скрывалась в тумане морозного утра. И он, Анатолий, выбиваясь из сил, полуголодный и полураздетый, охваченный молодым задором, обрета “второе дыхание” устремлялся в месте со всеми за сухопарой фигурой фронтовика, стараясь не отстать от него. Нет правой руки, но есть левая. Научился же великий Репин писать левой, когда от перенапряжения стала сохнуть правая рука. Анатолий Шумилкин стал заново, с чистого листа писать свою биографию художника. Победить физическую ущербность помогли ему крепкий сибирский характер, преданная любовь к искусству и неистребимая вера в правду художественного наследия великих мастеров прошлого. Он самостоятельно учился запово рисовать, вспоминая наказания и

заветы любимых преподавателей Свердловского художественного училища. Работал с завидным упорством, до изнеможения, изо-дня в день, из месяца в месяц, год за годом. Уроки солидной и добротной школы, полученные в стенах училища дали свои зримые плоды в годы мучительного привыкания работать левой рукой. Пришло признание. В 1971 году его принимают в члены Томского Союза художников России.

Отступили бури затянувшегося потрясения. Анатолий Шумилкин не сдался, и выстоял в борьбе с безысходностью. В глубине его души затеплилась надежда на личное счастье.

*В нашей жизни чертовски короткой,
Дни которой можно перечесть,
Все равно хоть маленькой щепоткой
В чем-нибудь, но счастье все же есть.*

*Есть оно и в буднях, и в потемке,
И в костре, в сумерках горит,
И в лукавом взгляде незнакомки,
Что на миг улыбку подарит.*

Несмотря ни на что счастливое время наступило и для Анатолия Шумилкина. На своем жизненном пути он встретил Лидию Петренко — учительницу начальных классов. Она стала его женой. Началась семейная жизнь, полная забот и радостей. Лидия была хорошей и доброй хозяйкой. Работая в две смены в 4-ой школе — интерната она растила и воспитывала ему трех дочерей: Оксану, Юлю и Олесю (по паспорту Александра).

С невероятным напряжением работал Анатолий Шумилкин в 70–80-е годы XX века, спеша наверстать упущенное. В эти годы он знакомится с Геннадием Ивановичем Панаркиным — выпускником Ленинградского художественного института им. И.Е. Репина. На защите дипломов присутствовала делегация из представителей обкома партии и Союза художников Томска. Дипломная работа Г.И. Панаркина понравилась томичам. Его приглашают в Томск и здесь же вручают ключи от мастерской. Первые руководители области делали многое, чтобы привлечь молодые кадры из высших учебных заведений страны для укрепления своих творческих Союзов. Этот эпизод из жизни Г.И. Панаркина, рассказанный им самим — тому красноречивая иллюстрация.

Знакомство двух художников и к тому же азартных рыбаков переросло в многолетнюю дружбу. Родительский дом Анатолия Шумилкина в Знаменке на долгие годы стал для них творческой дачей. Один увлек друга писать ее окрестности, другой пристрастился к занятиям корнелпластикой и работе с деревом. Г.И. Панаркин прикручивал проволокой стамеску к протезу друга; в левой руке кляпка и пошла, закипела работа. Из под рук Анатолия Шумилкина возникали, ополитрованные до блеска, скульптуры из кедра, декоративные тарелки, ложки в виде стилизованной стерляды. Из кедровых чурок выдалбливались братины, тусски, калушки.

Анатолий Шумилкин много путешествует по Сибири, но только поездки вдоль берегов Оби будили его воображение, приносили творческую удачу. К нему пришло мастерство, а с ним и свой любимый круг жанровых интересов в живописи: пейзаж-картина, натюрморт. Обь он искренне считал своей колыбелью.